

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Л86

Jess Lourey

THE TAKEN ONES

Серия «Архетипы зла»

Публикуется с разрешения Amazon Publishing,
www.apub.com,
при содействии Литературного агентства «Синописис»

Перевод с английского *Александры Смирновой*

Оформление обложки *Александра Воробьева*

Лури, Джесс.

Л86

Похищенные: [роман] / Джесс Лури; – [перевод с английского Смирновой А.]. – Москва : Издательство АСТ, 2024. – 384 с. – (Архетипы зла).

ISBN 978-5-17-161821-6

У воспоминаний есть сила...

Лето 1980 года. Несмотря на местные суеверия, три подруги отправляются на прогулку в лес. Возвращается только одна. Она не помнит ничего, кроме того, что в лесу они увидели нечто ужасное.

Лето 2022 года. На окраине города обнаружена свежая могила, в которой находят похороненную заживо женщину лет пятидесяти, сжимавшую в руке подвеску в виде половинки сердца — точно такая же была у девочки, которая пропала двадцать лет назад.

Расследование убийства поручено детективу Ван Рид и судмедэксперту Гарри Стейнбеку. И если Гарри доверяет фактам, то Ван — своей интуиции.

Пока Ван и Гарри связывают преступления прошлого и настоящего, Ван борется с воспоминаниями о своем собственном кошмарном детстве — и страхом, что раскрытие правды о похищенных девочках поведет ее по пути, с которого она может никогда не вернуться...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© 2023 by Jessica Lourey

© Смирнова А., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-161821-6

Эта книга посвящается милой, забавной и просто потрясающей Джессике Триббл Уэллс, которая как-то спросила меня: «Слушай, а не хочешь написать рассказик?» — и так на свет появились Ван и Гарри.

Пролог

*Июль 1980
Лич-Лейк, Миннесота*

Солнце сияло над головой так ярко, что земля, чавкавшая под полосатыми «Адидасами» Ру, блестела и плавилась. Смахнув со щеки каплю пота, Ру задалась вопросом, сколько еще мучиться, прежде чем они доберутся до ледяной прохлады ручья.

Эмбер, судя по всему, жара была нипочем. Она принялась подпрыгивать.

— Раз-два, где моя коза? — распевала она, взмахивая золотистыми, как ириски, косичками. На ней был клетчатый летний костюмчик цвета жевательной резинки, и, по мнению Ру, это было самое красивое, что ей в своей жизни доводилось видеть. — Три-четыре, по башке получила!

Все три девочки расхохотались.

Это были не те слова, но похожие. Может быть, они были даже лучше, чем те, под которые мистер Эллингтон, учитель Эмбер и Ру, заставил их танцевать кадрили в последний школьный день. С тех пор они постоянно над этим смеялись, и Лили, хотя не понимала, о чем говорят старшие

Джесс Лури

девочки, смеялась вместе с ними, потому что ей нравилось ощущать себя частью компании.

— Можно мне сэндвич? — спросила она, когда смех перешел в мурлыканье.

Ру взглянула на Эмбер, пытаясь понять, не бесит ли ее Лили. Брать с собой младшую сестренку Ру не хотелось, но мама настояла. Сказала, что ей нужно немного отдохнуть и пусть Ру побудет душкой и пару часов приглядит за Лили. Мама ужасно уставала с тех пор, как папа от них ушел. Она говорила, что теперь у нее есть кое-что получше их папы — чек от него раз в две недели, но фиолетовые круги у нее под глазами говорили совсем о другом.

Так что Ру ответила «окей», стараясь ничем не выдать, насколько ей несимпатична перспектива втягивать пятилетнюю малявку в приключение, ожидавшее их с Эмбер Мари Кайнд, самой красивой и самой популярной девочкой в их третьем — то есть теперь уже четвертом — классе. Она погладила любимый комбинезон Лили сливового цвета и сложила в сумку обед, чтобы маме не приходилось вставать с постели. Два сэндвича с оливками (себе — с горчицей и салатом, Лили — с дешевым майонезом), два пакета чипсов «Фритос», две банки газировки «Фрут Панч» и два красных яблока на случай, если мама захочет заглянуть внутрь бумажного пакета.

Лили принялась клянуть сэндвич сразу, как они вышли из дома, и если затыкалась хоть на минуту, то только затем, чтобы подергать ярко-желтый пластырь на коленке. Под ним притаились два распухших от чесотки комариных укуса. Ру сомневалась, что пластырь удержится в воде, но никогда не угадаешь, как повернется жизнь. Когда-то она и представить не могла, что будет купаться в Призрачном ручье вместе с Эмбер.

Родители Эмбер были самыми богатыми людьми в Лич-Лейке: отец — кардиохирург в Миннеаполисе,

Похищенные

мама — местный агент по недвижимости. Но, несмотря на свое богатство, мистер и миссис Кайнд, как сказала мама Ру, были такими простыми.

Совсем как нормальные люди.

Мама сказала это в начале лета, после того, как миссис Кайнд впервые привезла Эмбер к ним. Ру понятия не имела, какое невероятное чудо вызвало у Эмбер, прекрасной Эмбер с молочной кожей и золотистыми кудрями, желание дружить именно с ней, но надеялась, что их удивительная дружба продлится до начала нового учебного года, чтобы все в классе ее оценили. Но даже если она закончится вместе с летом, подумала Ру, у меня ведь все равно останется подарок Эмбер. Она прикоснулась к металлу, который нагрелся от ее тела. На лицевой стороне половинки красного эмалированного сердца блестели, как бриллианты, две стразы. На оборотной стороне были выведены инициалы Ру и слово «Лучшая». Половинка Эмбер была точно такой же, только с гравировками «подруга» и «ЭК».

— Ты не можешь сейчас съесть сэндвич, — чопорно отказала сестренке Ру, — но можешь съесть яблоко.

Лили протянула руку, и Ру раскрыла бумажный пакет, сморщенный, потемневший от испарины и пахнущий салатом.

*«Уверена, что розовый ланч-бокс Эмбер ничем не во-
няет».*

«Уверена, что там лежит даже термос».

Деревянные сандалии Эмбер от «Доктора Шолл», шлепая по липкому тротуару, придавали этим мыслям ритм.

Хлоп-хлоп. Хлоп-хлоп.

Ру нашла яблоко и передала сестре. Лили взяла у нее теплый фрукт, но, прежде чем откусить, сморщила нос и привела тыльной стороной ладони по губам, пока жевала.

Джесс Лури

Ее ярко-красное кольцо с вишневым леденцом вместо камня блеснуло на солнце и зацепило прядь волос, которая уже успела выбиться из косички, хотя Ру сама ее заплетала.

Теперь Ру на ходу распутывала прядь, украдкой поглядывая на Эмбер и надеясь, что она ничего не замечает. Да уж, Лили умела действовать на нервы, хотя, надо признать, для малявки она была вполне себе ничего, и в любом случае, как говорила мама, теперь они втроем были против всего мира.

— Долго еще? — проныла Лили, требуя внимания сестры.

— Мы почти пришли. — Ру отпустила сестру и подтянула сползающие плавки. Вечно они врезались в попу. Лили спросила, сразу их надеть или положить с собой в сумку, и Ру сказала, что лучше надеть сразу. Только бы не оказалось, что наоборот! — Кажется, он за теми деревьями.

— Да! — Эмбер радостно закивала, продолжая подпрыгивать.

Хлоп-хлоп. Хлоп-хлоп.

Ручей, который Эмбер называла речкой, находился на той стороне извилистой улицы Вязов, где она жила. Эта сторона казалась другой: дома огромные и чистые, лужайки аккуратные, как поле для гольфа. Район напротив, где жили Ру, Лили и их мама, тоже казался неплохим, но дома там были старыми, хоть и большими. Дом Ру и Лили построил их дедушка и завещал маме. Денег, чтобы его содержать, было не так уж много, но за ту же цену в городе можно было снять лишь паршивую конуру.

По крайней мере, так сказала мама Ру.

— Место для купания вон там, — Эмбер указала вперед и повела их к канаве, обозначавшей самый конец улицы Вязов. Или начало. Ру предположила, что это зависит от того, где стоять.

Похищенные

Все трое прошли по пыльной траве несколько шагов и, не говоря ни слова, вышли к опушке леса. Темно-зеленые тесно переплетенные листья навеса обещали прохладную тень, и Ру показалось, что она слышит впереди музыку воды.

И все же что-то ее пугало.

Хотя она плавилась от жары, ей не хотелось входить в этот мрачный лес.

Она повернулась. Позади них была сцена настолько совершенная, что казалась вырванной из фильма: огромные роскошные дома, припаркованные на подъездных дорожках блестящие машины без вмятин и следов ржавчины, стройная, как шеренга охранников, линия новых коричневых телефонных столбов, уходившая так далеко, что Ру казалось, будто она может зажать пальцами верхушки самых дальних.

Где-то залаяла собака.

Ру повернулась к голодной пасти леса. Через него, подобно языку, проходила узкая тропа. Девочки словно стояли на острой грани: слишком яркий, слишком знакомый мир остался позади, а впереди начиналась неизвестная сказка. Ру вспомнила историю о человеке-резинке, который бродит в этом лесу, и вздрогнула, несмотря на жару. Мама всегда говорила, что это лишь глупые рассказы, но здесь, на опушке леса, подобное казалось очень, очень возможным.

Видимо, это почувствовала и Эмбер. Почувствовала — потому что она тоже застыла на месте, глядя на густой лес. Тропа манила их выйти из-под палящего солнца в прохладу, но девочки не тронулись с места. Наконец Лили привела их в чувство, бросив яблоко и взяв обеих за руки:

— Кто последний, тот тухлое яйцо!

Ее жизнерадостность разрушила темные чары. Эмбер и Ру переглянулись поверх ее головы, улыбнулись и наконец рискнули пересечь границу леса.

Джесс Лури

Ощутить прохладу обнаженной кожей было восхитительно, как открыть гигантскую дверцу холодильника. Она слышала, как дети, в основном мальчики, рассказывали, что на Призрачном ручье есть специальное место для купания, что над ним висят старые качели из покрышек, что можно бросать камни в кристально чистую воду ручья так глубоко, что рыба взлетит. Но раньше Ру никто никогда туда не приглашал, и она даже не знала толком, где находится ручей.

А вот Эмбер знала.

По крайней мере, она так сказала. И теперь уверенно шла вперед.

Втроем идти по утоптанной тропе было трудно, и Ру пришлось отпустить Лили, когда деревья столпились уж слишком близко. Ру отставала, пока тропа не расширилась снова, а потом вновь пошла рядом с Лили и взяла ее за руку, радуясь, что надела кроссовки, а не сандалии, и упавшие ветки не поцарапают ее нежные ноги. Следовать за Эмбер и Лили было бы проще, но Ру поняла, что не хочет, чтобы они были впереди одни. Наверное, подумала она, все дело в прохладе, которая после палящего солнца кажется тревожной.

Или, может быть, в абсолютной тишине как будтоходишь в пустую церковь, а не в живой лес. Разве здесь не должны кричать и носиться другие дети, играющие в ручье? Например, Джейкоб Питерс? Этот Джейкоб в последний день третьего класса пригласил ее на кадрили, и все заохали и зачмокали губами. Ру ужасно разозлилась, но танцевать с ним ей понравилось. Плавать, наверное, понравилось бы тоже, особенно если она сможет продемонстрировать, как хорошо прыгает с качелей.

Сжимая в руке маленькую потную ладошку Лили и жалея, что на ней дурацкий слитный купальник, в котором она похожа на оранжевый дорожный конус, Ру не

Похищенные

заметила, как перед ней выросло еще одно дерево с толстым и грубым стволом. Она едва не врезалась прямо в него.

Отпустив Лили и собираясь сказать сестре, чтобы она шла позади, Ру внезапно заметила, что Эмбер, застыв как статуя, смотрит вперед, и ее молочная кожа все больше напоминает по цвету творог. Перегнувшись через Лили, Ру хотела встряхнуть подругу — до того ужасный у нее сделался вид, — но тут заметила и лицо Лили.

Оно напряглось настолько, что кожа натянулась, как при колотой ране.

Огромное дерево закрывало Ру обзор, и она не могла, не обойдя ствол, увидеть то, что увидели они. Ей не хотелось на это смотреть, но что ей оставалось? Как она могла допустить, чтобы они стояли здесь, парализованные от ужаса, и не посмотреть на причину своими глазами? Какой вообще человек мог это допустить?

Так что она обошла ствол.

И ощутила, как по ноге стекает струйка мочи.

— Найду другую, милее, чем ты! — крикнула Эмбер, но это был не ее голос.

Ру помнила, как Эмбер это говорила. Помнила, что это была настоящая строчка из кадрили, а не та ерунда, которую они выдумывали.

И это было последнее, что она помнила.

Глава 1

Настоящее время *Ван*

— Знаешь, они не помнят прошлого.

Я отодвинулась от промышленной метлы, на которую опиралась, глядя на собачий загон. Его обитатель, огромный слюнявый дворняга, был, казалось, гибридом сенбернара с каким-нибудь шерстистым мамонтом. Ламинированная табличка на его клетке сообщала, что его зовут Макгаффин, что он хорошо ладит с кошками и что его сдала сюда пара, у которой вот-вот родится ребенок.

— Когда животных забирают, они забывают все, что было раньше, — продолжала девушка-волонтер. На вид ей было лет двадцать с небольшим, на ее спортивном костюме виноградного цвета не было ни единого пятнышка, лицо сияло целеустремленностью. Она говорила со мной тем наставительным тоном, каким женщины определенного типа общаются с теми, кого считают ниже себя. Когда на мне был значок и пояс с пистолетом, со мной так никто не разговаривал, но сейчас, когда мои светлые волосы были стянуты в растрепанный хвост, когда я была одета черт знает во что, еще и с учетом роста я казалась намного младше и мягче, чем была на самом деле.

Она приняла меня за человека, которому можно давать наставления.

Похищенные

— Я читала об этом в Интернете, — уточнила она. — Конечно, собакам может понадобиться время, но когда у них появляются новые хозяева, мысли о старых начинают стираться. Они учатся любить того, кто заберет их домой.

— Если кто-то заберет, — заметила я, глядя на седого пса.

В приюте для животных Миннеаполиса усыпления запрещены, так что, думала я, если Макгаффина не заберут, ему придется жить тут до конца дней. Это тяжело. Да, ему давали еду и воду и раз в день чистили его загон, и если нас, волонтеров, хватало, его выгуливали, но крики испуганных животных никогда не умолкали. Запах тоже стоял неприятный. По отношению к нам, людям, это тоже было жестоко, но мы видели лишь мочу и фекалии. Что чувствовали собаки и кошки, различавшие послания в этих запахах? Пытка, что и говорить.

— О, уж его-то заберут! — Девушка подавила улыбку. Ее профессионально окрашенные каштановые волосы были до того пышными, что, скорее всего, она их нарастила. Место преступления такие бы хорошенько испортили. — Да, Макгаффин? Заберут тебя?

Огромный хвост глухо бухнул по полу, и пес заморгал слезящимися глазами.

— Похоже, его только что выгуляли, — продолжала она, постукивая ногтем по плакату. — Может, выберете другую собаку?

— Может, перестанете лезть не в свое собачье дело? — произнесла я так спокойно, будто объясняла ей дорогу в незнакомом районе. Мое терпение подходило к концу. Единственное, что было хуже, чем выслушивать наставления незнакомцев, — вести философские беседы с кем-то в спортивных штанах за двести долларов.

Лучше забыть.

Джесс Лури

Она фыркнула и отошла, ища новую жертву. Я смотрела, как она уходит. Я выбрала четырехчасовую вечернюю смену, и как я ее провожу, никого не касалось. Иногда я убирала какашки за кошками и таскала по полу веревки, помогая котяткам выплеснуть охотничий инстинкт. Иногда меняла пахнущий кедром наполнитель в клетках хомяков, мышей, кроликов и морских свинок. Как-то раз даже тренировала ежа-альбиноса.

Но по большей части...

По большей части я играла с большими собаками, убедившись, что в их клетках все идеально.

В детстве у меня на ферме был свой собственный щенок — во всяком случае, я считала его своим собственным, — помесь бигля с мастиффом. Я звала его Медовым мишкой. Когда нас выселяли федералы и его увозили в клетке грузовика, он плакал и звал меня. Не нужно иметь степень психолога, чтобы понять, почему меня так тянет к большим собакам. Пока я убиралась, я нашептывала им нежности. Ворковала глупые слова любви. Обещала, что если они станут моими, я никогда их не предаю только из-за того, что дела идут так себе.

— Давай, Макгаффин. — Я отстегнула поводок. — Пойдем подышим свежим воздухом.

Он с трудом поднялся на ноги и направился ко мне. Восемь лет — мизерные шансы на усыновление для большой собаки. Хотя хвостом он вилял как щенок.

— Вот, хороший мальчик. — Я вошла в клетку, погладила его по голове и пристегнула поводок к звенящему синему ошейнику. Поводок ему, скорее всего, не требовался, но я соблюдала протокол. — Пойдем гулять?

Что? Гулять?

Скорость его хвоста увеличилась вдвое. Если бы в трех футах от него стояла ваза, он бы запустил ее в космос.

Похищенные

— Так я и думала. — Я проверила, лежит ли в заднем кармане джинсов собачья расческа. Здорово было расчесать его спутанную шерсть, протереть глаза от грязи, прогуляться с ним по двору, чтобы трещины и узлы его старых суставов наполнились энергией.

Мы обходили двор второй раз, солнце опускалось в фиолетовую дымку, но июльский воздух еще был влажным и душным, когда в моем кармане зазвонил телефон.

На экране высветилась надпись «Кайл К». Мой подопечный. Он всего на пять лет моложе меня и в Бюро проработал лишь на пять месяцев меньше, но заместитель суперинтенданта учел мой стаж в полицейском управлении Миннеаполиса и назначил меня наставником. Отвечая на звонок, я увидела, как приближается сирена и тренировочное поле со стороны шоссе вспыхивает красными огнями.

— Ну, что скажешь?

— Привет, Евангелина, — начал Кайл. Он назвал меня полным именем, и его голос был выше обычного. Первые два предупреждения. — Ты не спишь?

— Ну я же как-то с тобой говорю, правда?

Огни исчезли, а вслед за ними утих и пронзительный вой.

— Я к тому, что, может, разбудил тебя? Я знаю, что ты работаешь сверхурочно. Может, легла пораньше, и...

Я вздохнула и подумала, что Кайл — хороший агент, только зеленый и слишком впечатлительный, но время лечит и то, и другое.

— Нет, я в приюте для животных. Что тебе нужно?

Он помолчал, и это молчание стало третьим предупреждением, скользнувшим, как призрачные пальцы, по моей спине. Макгаффин заскулил и дернул поводок, направляясь к двери загона.

Джесс Лури

— На северной окраине складского района произошло убийство, — сообщил Кайл. — Полиция Миннеаполиса хочет, чтобы мы приехали посмотреть.

Я помассировала шею. Могу поспорить, что из всех агентов Бюро, кого туда могут отправить, у меня шансов меньше всех. Меня в жизни не направляли на убийства, если только они не были связаны с нераскрытым делом или если команда Бюро по расследованию смертей не была перегружена.

— Что-то странное?

Он издал звук, похожий на кашель.

— Ты и половины представить не можешь.

В этот момент мою защиту прорвал холодный осколок. Кошмар вчерашнего вечера.

Из подвала доносится детский плач. Женщина в малиновом брючном костюме спускается вниз, в ее руке зажата связка ключей. Она останавливается перед дверью. Вставляет ключ. Когда дверь распаивается, плач сменяется ужасными рыданиями. По моей коже побежали мурашки, воспоминание ударило меня, как грузовик со льдом.

— Буду через двадцать минут.